

УДК 930.2

**Яицкое казачество
в эпоху Петра I в трудах
дореволюционных
авторов П. И. Рычкова
и А. Б. Карпова**

А. М. Дубовиков,

*Поволжский государственный
университет сервиса,
г. Тольятти, Самарская область,
Российская федерация*

**Yaik Cossacks during
the reign of Peter
the Great in the works
of pre-revolutionary
authors P. I. Rychkov
and A. B. Karpov**

A. M. Dubovikov,

*Volga Region State University of Service,
Togliatti, Samara region, the Russian
Federation*

Аннотация

В год 350-летия со дня рождения Петра I исследования, посвященные его эпохе, имеют и общественно-политическую, и научную актуальность. Отношения царя Петра с казачеством были непростыми. С одной стороны, казаки принимали активное участие в походах и войнах, которые вел и в которых непосредственно участвовал сам Петр I. С другой стороны, царь приложил немало усилий к тому, чтобы отобрать у казачества многие его прежние привилегии и «вольности», обратив его в послушное «служивое сословие». Удар по казачьим «вольностям» Петр нанес в ходе подавления восстания донского казачества под руководством Кондратия Булавина в 1707-1708 гг. Спустя десятилетие царь взялся наводить порядок в Яицком казачьем войске, где работали комиссии поручика Кроткова и сменившего его полковника Захарова. Параллельно с поисками «изменников» и «мятежников» была проведена перепись казаков и иногородних жителей Яицкого казачьего войска. Благодаря переписи предполагалось установить не только численность населения края и расписать казаков по категориям (служащие, отставные, малолетки), но и показать их этническую принадлежность, а также выявить регионы, откуда прибыли на Яик они или их предки, и кем они ранее были. К сожалению, войсковой архив Уральского (бывшего Яицкого) казачьего войска до нашего времени не сохранился. В статье показана главная версия его исчезновения и приведены материалы, которые могут частично восполнить имевшуюся в том архиве информацию. Прежде всего, ту, которая посвящена истории Яицкого казачьего войска в эпоху Петра I, которой посвящена статья. В связи с этим определенную ценность представляет глава из книги «Топография Оренбургской губернии» П. И. Рычкова «О ведомстве Войска Яицкого и о их обстоятельствах». Еще больший интерес вызывает обширный (объемом более тысячи страниц) труд А. Б. Карпова «Уральцы», хронологические рамки которого охватывают период от возникновения казачьей общины на берегах Яика до ее истории в эпоху правления Петра I включительно.

Abstract

At the 350th anniversary of the birth of Peter the Great, the research devoted to his era is of sociopolitical and scientific relevance. Relations between Tsar Peter and the Cossacks were fraught. On the one hand, the Cossacks took an active part in campaigns and wars led by Peter the

Great in which he took part himself. On the other hand, the Tsar made a lot of efforts to revoke many former privileges and liberties from the Cossacks, having turned them into a manageable "service class". Peter dealt a blow to Cossack liberties during the suppression of the Don Cossacks' rebellion, led by Kondrati Bulavin in 1707-1708. A decade later, the Tsar started throwing his weight about the Yaik Cossack army, where the commissions of Lieutenant Krotkov and Colonel Zakharov, who replaced him, worked. Alongside with the search for traitors and rebels, a census of Cossacks and non-Cossacks of the Yaik Cossack army was conducted. The census was supposed to estimate the population size in the region and split the Cossacks into categories (service group, retired ones, young Cossacks), show their ethnicity, as well as identify the regions from where they or their ancestors came to the Yaik, and who they had been before. Unfortunately, the military archive of the Ural (former Yaitsky) Cossack army has not been preserved in our time. The article describes the key version of its disappearance and provides materials that can partially fill in the information available in that archive. First of all, it is the one that is devoted to the history of the Yaik Cossack army during the reign of Peter the Great. In this regard, the chapter from the book "Topography of Orenburg province" by P. I. Rychkov named "Department of the Yaik Army and its conditions", is of certain value. Even more interesting is the extensive (more than a thousand pages) work by A.B. Karpov named "Uralians", the chronological framework of which covers the period from the emergence of the Cossack community to the period of reigning of Peter the Great.

Ключевые слова

Яицкое казачество, Архив Уральского казачьего войска, эпоха Петра I, перепись Яицкого казачьего войска, предания яицких казаков, Атаман Андрей Бородин, атаман Григорий Меркурьев, атаман Илья Меркурьев, поручик Е. Г. Кротков, полковник И. И. Захаров, П. И. Рычков, А. Б. Карпов.

Keywords

Yaik Cossacks, Archive of the Ural Cossack army, the era of Peter the Great, the census of the Yaik Cossack army, legends of Yaik Cossacks, ataman Andrei Borodin, ataman Grigory Merkuryev, ataman Ilya Merkuryev, lieutenant E. G. Krotkov, colonel I. I. Zakharov, P. I. Rychkov, A. B. Karpov.

Важнейшим источником для исследования различных эпох и событий являются архивы. К сожалению, архив Уральского казачьего войска был безвозвратно утерян. Версии относительно его судьбы были различные, наиболее вероятная из которых опубликована в 1988 г. Н. П. Ивлевым и Н. М. Щербановым¹. Согласно ей, в январе 1919 г., казаки, теснимые Красной армией, сдали Уральск. Не желая, чтобы их войсковой архив попал в руки противника, они заблаговременно решили его надежно спрятать до своего возвращения, в которое они твердо верили. Ценные документы надежно замуровал в одном из подвалов печник, доставленный к месту работы с завязанными глазами офицерами-казаками. Получив приличные деньги, он обещал молчать о проделанной работе. Красные удержали город, выдержав осады в апреле-июле и в сентябре-октябре 1919 г. Лишь спустя много лет печник, будучи уже престарелым человеком, рассказал о случившемся в 1919 г. Но властям города и области судьба того архива была мало интересна; история казачества воспринималась как нечто чуждое, тем более что область на тот момент давно была частью Казахстана. Как-то во время строительства новых домов и сноса старых, среди строительного мусора обнаружили какие-то истлевшие, рассыпающиеся в труху бумаги, на которые никто не обратил внимания. Возможно, это и было то, что когда-то было архивом. Но в любом случае, сегодня, спустя более столетия после трагических событий 1919 г., архивные бумаги не могли сохраниться в темном сыром подвале, и замурованный архив можно считать безвозвратно утерянным.

С документами войскового архива во второй половине XIX в. работали поручик Генерального штаба А. Д. Рябинин и учитель Уральской мужской гимназии (позже преобразованной в реальное училище) В. Н. Витевский. Тогда же архив посетил столичный профессор Н. Ф. Дубровин, автор книги «Пугачев и его сообщники».

Часть архивных документов они разместили на страницах своих книг². Причем, Витевский, кроме своего основного труда, опубликовал еще ряд книг и статей. На рубеже веков в том архиве работал и В. Г. Короленко, желавший собрать материалы для будущего романа «Набеглый царь» о Пугачеве (хотя он не был закончен).

Но особенно следует отметить А. Б. Карпова, казака-офицера, который, выйдя в отставку в самом начале XX в., занялся исследованием истории родного края. Большую часть своего свободного времени он посвятил работе с документами войскового архива, а также с документами, полученными из московских архивов, прежде всего – из Московского отделения Архива Главного штаба и Московского архива Министерства юстиции. Благодаря ему, были обнародованы многие ценные материалы, хотя и, зачастую уже в его обработке и интерпретации. Его обширный труд содержит свыше тысячи страниц³, включая приложения и составленные автором таблицы. Это был 1-й том из трех, запланированных автором, которому ранняя смерть помешала продолжить работу. Но именно 1-й том содержит материалы, относящиеся к эпохе царствования Петра I.

Интересные сведения о яицких казаках имеются в труде П. И. Рычкова⁴. Хотя автор посетил Яицкий городок в 40-е гг. XVIII в., все то, что он увидел, вряд ли существенно отличалось от того, что было в петровские времена. «Жительство в Яицком их городе (который от Оренбурга 269, а от города Самары, что на Волге, через пустую степь 230 верст) дворов около трех тысяч, построены больше по старому реке Яика течению, что у них называется Старицей, со внутренней стороны, да по реке Чагану, коя тут же впадала, а отчасти и по Яику, но все на внутренней стороне... Улицы в нем по большей части тесные, а некоторые так узки, что двум телегам разехаться почти невозможно», – отметил Рычков⁵.

Но изменения, произошедшие в войске в ходе реформ Петра, в труде Рычкова не нашли отражения, в отличие от изменений, имевших место во второй четверти XVIII в. (линейная служба и т. п.).

Во второй половине 1730-х – первой половине 1740-х гг. шел процесс формирования новой (Оренбургской) губернии на юго-востоке России, в состав которой вошло Яицкое войско, ставшее позже «Уральским». С этого времени ведется история Оренбургского областного архива, куда поступают документы, касающиеся истории Уральского (Яицкого) войска, но самые ранние из них относятся уже к 1730-м г.

Много ли сохранилось документов по истории яицкого казачества в период, предшествовавший основанию Оренбурга? В Российском государственном архиве древних актов таковые имеются, в основном, в фонде о «ногайских делах», где речь идет о конфликтах казаков с ногайцами, и о жалобах последних Москве.

Ценным источником из петровских времен является перепись Яицкого войска, проведенная полковником И. И. Захаровым. Это дело хранится в Российском государственном военно-историческом архиве⁶. Собственно, целью, с которой на Яик прибыл Захаров, было расследование дела «об измене яицких казаков» (больше мнимой, чем реальной) с последующими наказаниями всех, кого признали виновными. Перепись как бы велась параллельно, и, отнюдь не ради статистики, а как один из элементов «наведения порядка» в Яицком войске. Собственно, работа комиссии Захарова продолжила работу, начатую незадолго до этого комиссией Е. Г. Кроткова.

Появление на Яике казачьей общины Рычков датировал концом XIV в. Свою роль сыграли казачьи предания (о том, чем занимались яицкие казаки при хромом Тимуре, во время Куликовской битвы и т. п.). От атамана Ильи Меркурьева и его старшин Рычков услышал, что первым атаманом на Яике был легендарный Василий Гугня («некто из донских казаков именем и прозванием Василий Гугня»),

который «прибрав себе в товарищество тамошних казаков человек с тридцать, в том числе был один татарин, отлучился с Дону на промысел, или паче для воровства». Ватага Василия «промышляла» на Каспии, а затем, «дошед до устья, до протоков реки Яика, коими она в помянутое море впадает, пошли по ней вверх». Все это происходило «когда Темир-Аксак, а по европейскому названию Тамерлан, со многими татарскими войсками разные области раззорял», то есть, «могло быть сие в исходе 14 или в начале 15 столетия»⁷.

Такие предания, как и многие другие, появились сравнительно поздно. Передаваясь из уст в уста, они дополнялись новыми «подробностями». То, что услышал Рычков, содержало явные ошибки и неточности – так Астрахань названа русским городом («от реки Яика не очень далеко есть российские города – Астрахань и другие»)⁸, хотя речь шла об эпохе Тамерлана. Впрочем, Рычков относился к полученной информации скептически («всем войском о начале их за многопрошедшим временем основательно показать не могли, для того, что грамотных людей у них и поныне еще мало»)⁹.

Подобные легенды нашли отражение в работах А. И. Левшина¹⁰ и А. С. Пушкина¹¹. Первый из них, посвятив свою книгу истории уральского (яицкого) казачества, признал, что детали его ранней истории безвозвратно утрачены. Пушкин же посвятил книгу, ставшую серьезным научным трудом, событиям пугачевщины, уделив более раннему периоду не так много места, кратко пересказав информацию, полученную у Левшина (включая предания).

Предания, содержащие географическую и историческую путаницу, фиксировали и другие авторы, общаясь с казаками. В этом плане интересно одно из них, записанное В. Н. Витевским. Согласно ему, казачью общину на Яике основал донской казак по прозвищу «Рыжечек», отличившийся тем, что с помощью хитрости одолел золотоордынского богатыря. Это, якобы, имело место за три века до пугачевщины, а казак служил русскому императору Михаилу¹². Если это происходило в XV в., речь могла идти не о русском, а о византийском императоре Михаиле VIII. Напасть на него могла не Орда, а Турция, и в войске Михаила не было донских казаков. Легенда о Рыжечке (правильно – не «Рыжечек», а «Рыжечка») бытовала на Яике в самых разных вариантах – с кем только он не выходил на поединки, последний из которых датирован Северной войной. Эту легенду Витевский пересказал с иронией, но счел, что под императором Михаилом подразумевался царь Михаил Федорович, которого народная молва перепутала с Иваном III.

В «Топографии Оренбургской губернии» Яицкому войску посвящена глава «О ведомстве Войска Яицкого и о их обстоятельствах». Кроме того, и в других главах Рычков упоминает отдельные детали, касающиеся истории и быта яицкого казачества (казачьи городки и форпосты, их местоположение и история, различные казачьи промыслы – рыболовство, добыча соли и т. п.).

Казачьи предания Рычкову пересказал «войсковой атаман Бородин с старшинами, в бытность его в Оренбурге 1759 года»¹³. Эти сведения Рычков счел более объективными, нежели те, что он услышал ранее («еще в 1744 году по сказаниям некоторых Яицких казаков, а потом в ноябре месяце 1748 года и самому мне в Яицком их городке подался случай быть»)¹⁴.

Сбор сведений о прошлом Яицкого войска – следствие распоряжения центральной власти, которое «при господине действительном тайном советнике и кавалере Иване Ивановиче Неплюеве, которому указами из Государственной Военной коллегии от 9 декабря 1745 года и от 22 июля 1748 года повелено было, на каком основании Яицкие казаки сперва поселились, какие вольности и жалованья

грамоты им при том даны, и генерально о всем том, что до оных казаков касается, рассмотреть»¹⁵.

Рычков отметил, что кроме сведений, полученных Неплюевым, имелся и другой источник – челобитная Федора Рукавишникова (Крашенинникова) Петру I от 1720 г. «Вышеписанное все записано с словесного объявления помянутых войсковых атаманов, но что до самых дел и канцелярских справок принадлежит, то другого основания на то нет, кроме означенного определения в бытность у них помянутого господина действительного тайного советника Неплюева ноября 22 числа 1748 года учиненного», – отметил Рычков. И добавил, что, кроме того, имеется «отпуск с доношения, кое в прошлом, 1720 году, станичный атаман Федор Крашенинников подал в Государственную Коллегию Иностранных Дел»¹⁶. Крашенинников назван «станичным атаманом» не потому, что возглавлял какое-то казачье селение; «станицами» также называли группы казаков, отправляемые с поручениями куда-либо. Именно такую станицу, отправившуюся в столицу с челобитной, и возглавил Рукавишников-Крашенинников.

Илья Меркурьев (атаман Яицкого войска в 1748-1755 гг.), конечно же, помнил петровские времена. «В сию мою бытность тогдашний войсковой атаман Илья Григорьев сын Меркурьев в разговорах со мною о началах того войска, против учиненного в вышеозначенном описании объявления, гораздо пополнительнее сказывал», – отметил Рычков¹⁷.

От атаманов и старшин Рычков слышал предания не только о первых казаках, осевших на берегах Яика, но и о многом другом: о постепенном складывании семейно-брачных отношений, о женитьбе казаков на калмычках и татарках; об отношениях с Москвой и о начале «государевой службы»; о неудачных походах на Хиву во главе с атаманами Нечаем и Шамаем; о нескольких переносах Яицкого городка на более удобные места. Чем более отдаленными были события, о которых велся рассказ, тем больше было легенд и мифов, но события не столь отдаленные (включая эпоху Петра), выглядели более достоверно.

«В 198 году Войско Яицкое командировано было в Чигиринский поход, а потом и прочия службы по грамотам и по нарядам порядочно отправлять стало», – записал Рычков¹⁸. Дата указана согласно старому летоисчислению. То есть, речь шла о 7198 (1689/1690) годе. Однако известно, что Чигиринские походы имели место в период русско-турецкой войны 1672-1681 гг. Видимо, казаки (и Рычков) перепутали события. В 1689 г. состоялся «второй крымский поход» Василия Голицына, в котором противником России, как и во время Чигиринских походов, был Крымский хан. Очевидно, этот поход и имелся в виду.

Атаман и старшины забыли про участие земляков в Смоленской войне, о чем имелись документы, использованные позже А. Б. Карповым.

О переписи Захарова Рычков сообщил следующее: «О нарядах и о службах прежних лет онаго войска, начиная с 191 года, в оном же определении порознь значится с показанием и сего, что корпус их впервые счислен в 1723 году, по переписи полковника Захарова, а именно: действительно служащих старшин и казаков 3196 человек, а за тою переписью пришлых людей принимать им было запрещено».

Далее Рычков отметил, что Неплюев предложил реформировать существовавшую военную организацию Яицкого войска: «По учреждению ж господина действительного тайного советника Неплюева, разделены они были на семь станиц, или полков, в каждой по 508, а в семи станицах 3556, с войсковым же атаманом и с прочими войсковыми, и с принадлежащими к ним чинами 3572 человека»¹⁹.

То есть, после 191-го (1682 или 1683) года «государева служба» стала для казаков обязанностью, тогда как ранее такая служба была добровольной

и на взаимовыгодных условиях. Видимо, это произошло в начале регентства Софьи Алексеевны, после подавления разинского и соловецкого восстаний, различных старообрядческих волнений и «хованщины». Также атаман и его старшины сообщили об окончательном запрете приема «пришлых людей». Наверняка, такой запрет был, в том числе, связан с подавлением восстания под руководством Булавина, после которого к моменту переписи Захарова прошло не так много времени.

Кроме того, запрет не коснулся представителей тюркских народов и калмыков, не являвшихся русскими подданными. Захаров в ходе переписи выявил 34 калмыка²⁰, численность которых в войске продолжала расти, о чем свидетельствует указ 1753 г., запретивший принимать в казаки калмыков, прибывших на Яик после 1736 г.²¹ Что же касается проекта Неплюева, то он, по всей видимости, не был реализован. Согласно переписи, проведенной накануне пугачевщины, станичное (полковое) деление отсутствует, а казаки по-прежнему расписаны по 32 сотням²². Деление на полки с соответствующим штатом в Уральском войске было введено лишь при Александре I.

И все же две станицы в Яицком войске имелись, но обе они являлись анклавами, расположенными за пределами основной территории Яицкого войска. Это Илецкая и Сакмарская станицы. Правда, первой из них при Петре I еще не было, так как она появилась «в бытность при Оренбургской комиссии главным командиром тайного советника Василия Никитича Татищева» (то есть в 1737-1739 гг.). Но «Сакмарская станица, заселена еще лет за 30 прежде города Оренбурга охотниками из Яицкого корпуса»²³, то есть, еще в эпоху Петра. И если Илецкая станица была основана по указанию властей, то Сакмарскую казаки основали сами, «в том паче разсуждениями, что тут места хлебородныя, и лесом достаточнее»²⁴.

Казаки этих станиц были приписаны к Яицкому войску, но службу они несли отдельно от остальных яицких казаков. Про илецких казаков сказано, что они отданы «в ведение Войска Яицкого, токмо обще с яицкими казаками не служат». Более того, илецкие казаки, в отличие от сакмарских, яицкими казаками не считались, будучи отдельной общностью. Также они «имеют особые свои наряды, содержат себя без жалованья, хлебопашеством, звериными и рыбными ловлями»²⁵. Казаки Сакмарской станицы хотя и были полноправными яицкими казаками, но службу тоже несли отдельно: «Сия станица, как и Илецкая, обще с Яицким войском за отдаленностью от онаго не служит, а употребляется к разным делам и нарядам по Оренбургу»²⁶. Население Сакмарской станицы было немногочисленным: к концу 1748 г. в ней проживали «казаков русских 200, да из иноверцев до 50»²⁷. Очевидно, эти цифры приблизительны. При этом учитывались лишь «души» мужского пола. Видимо, при Петре I их было еще меньше.

Это вся информация о Яицком войске, прямо или косвенно связанная с эпохой Петра, приведенная Рычковым. Более ценные сведения содержатся в книге А. Б. Карпова, обработавшего самые разные дела: о военной службе казаков, их этническом и социальном происхождении, о набегах на соседей, о конфликтах с властью, о взяточничестве чиновников и старшин и др.

О списках Захарова Карпов сообщил, что в них должна содержаться «истинная сущая правда без утайки, а окроме того написанного числа ныне на Яике казаков и детей их, и работников, и хлопцов, и выходцов никого нет»²⁸. То есть в списках не должно быть никого, проживающего на Яике незаконно. За предоставление ложных сведений виновным грозило суровое наказание: «А ежели он, атаман с товарищи, в том поданном списке иное число в перечне написали не правду, а впредь явится больше оногo числа, или этой утайки, кто впредь донесет, и за то ему, атаману Григорию Меркульеву с товарищи, учинить смертную казнь по Публичному

Его Императорского Величества указу, каков опубликован на Яике, а имение их взять на Его Императорское Величество»²⁹.

Карпов сообщает, что некоторые дела, поступившие в Архив Главного штаба, были утеряны. Например, «о исследовании Иностранной коллегией над изменником яицким казаком Иваном Карташевым и отаманом Никитою Трифоновым с товарищи, и над посланных на Яик офицерах и других чиновных людях во многих с яицких казаков взятках», датированное 1719 г.³⁰ Тут речь идет о вымогательстве взяток, о жалобе в Иностранную коллегию (в чьем ведении тогда находилось войско), которая направила на Яик для рассмотрения жалоб своих офицеров и чиновников, которые, видимо, и сами погрязли во взятках.

Были и другие утерянные дела. Деятельность Захарова в одном из них названа «генерал-аудиторской экспедицией» на Яик, в ходе которой велось расследование «о тамошних оттоманах, старшинах и казаках в разных обстоятельствах непристойных про Его же Величество словах, и в измене и бунте». Это свидетельство того, что деятельность Захарова сопровождалась волнениями и даже непристойными выражениями в адрес царя. Карпов обнаружил названия четырех таких дел: «Об атамане Григории Меркульеве, и о казаках Яганове и Краснощекове», «Об атамане Иване Щербакове, Федоре Рукавишникове и прочих», «О казаке Матвее Миронове» и «Об Афанасии Назарове и Василии Мордвинцове». Однако найти сами дела ему не удалось. Возле этих дел были пометки: «По оным делам какое решение было невидно». Известно, что для принятия решений из Москвы в Петербург (в Военную коллегию) 26 декабря 1723 г. был отправлен прапорщик Сириябин. Что было потом – не известно. В итоге Карпов делает заключение: «С потерей этих документов войско лишилось одних из интереснейших и важнейших дел»³¹.

Хотя все эти дела Карпов найти не смог, но уже ясно, что конфликт «войсковой» и «атаманской» сторон начался не в середине XVIII в., а намного раньше. Считалось, что начало ему положила передача Яицкому войску Гурьева и раскрытие учуга (решетки, забитой в дно Яика для недопуска крупной рыбы вверх по течению). За это войско было обязано ежегодно платить около 5,5 тысяч рублей, собираемых с казаков, едущих на рыболовные промыслы³². Но старшинская верхушка, как выяснилось позже, собирала гораздо больше, чем отправляла в столицу³³. Дела, упомянутые Карповым, свидетельствуют, что конфликты «войсковой» и «старшинской» начались задолго до передачи Гурьева.

Ситуацию, о которой шла речь в упомянутых выше документах, все же удалось прояснить. «Отаман Никита Трифонов» – это Никита Трифонович Бородин. В качестве походного атамана он участвовал в хивинской кампании Бековича-Черкасского, был пленен, а затем выкуплен астраханским купцом-татарином³⁴. Во время работы следственной комиссии Кроткова он попал в немилость и был вынужден спасаться взятками. Однако после прибытия на Яик Захарова Никита Трифонович, уже не будучи атаманом, вновь оказался в числе обвиняемых. Бывшего атамана Захаров пытал и допрашивал, после чего тот был сослан в Тобольск вместе с другими казаками и старшинами, признанными виновными. При Анне Иоанновне он, уже глубокий старец, был прощен и вернулся на Яик³⁵.

Удалось восстановить некоторые детали и других дел, хотя не все их детали можно считать абсолютно доказанными. А. Г. Трегубов, используя труды разных (преимущественно дореволюционных) авторов, дал Матвею Миронову (дважды избиравшемуся атаманом) нелестную характеристику: «Думая лишь о благополучии кучки богатых казаков, он и его сподвижники нарушали все казачьи законы». Иван Карташёв был крестником Миронова, которого крестный спас «от казни

на войсковом кругу, когда тот, будучи знаменщиком, сначала занялся мародерством, а затем сбежал с харьковского похода к донским казакам в город Черкасск, а позже вернулся на Яик». Кроме того, Карташёв «писал доносы на Яицкое войско», которые «принесли много горя и тяжелых утрат для яицких казаков»³⁶. Оценка, данная Григорию Меркурьеву не так однозначна. Поначалу тот «считался защитником старых казацких обычаев и выступал против старшинской партии», но затем «открыто перешел на сторону Москвы»³⁷ (центральной власти и старшин). Он находился под следствием из-за доносов Карташёва и из-за отказа выдать беглых в 1717 г., но был оправдан³⁸. Позитивная оценка дана Рукавишникову: «главный предводитель казацкой партии», которого «обвинили в бунте, измене», казненный по приказу Захарова³⁹.

Карпов проделал колоссальный труд, переработав итоги переписи Захарова и сведя ее итоги в ряд таблиц. Согласно той переписи, казаков, годных к службе, оказались 3 195 человек⁴⁰ (расписаны по 32 сотням). Еще 250 человек числились отставными (193 – «из прежних отставных», и еще 57, добавившиеся к ним «за старостию и за болезнями»). Также негодными к службе были признаны еще 475 человек, прежде всего, «за малыми леты». В эту же группу были включены негодные «за скорбию и за увечьем». Такое значительное превышение служащих над отставными и малолетними можно объяснить, что казаки тогда числились на службе с юных лет до глубокой старости. Еще 21 человек оказались негодными «по другим росписям»⁴¹.

Интересен этнический и социальный состав (кем были казаки или их предки до прихода на Яик). Перепись показала, что тех, чьи предки были помещичьими крестьянами, среди казаков было больше всего – 1 840 человек (40,6 %). Вторыми по численности были потомки дворцовых крестьян – 804 человека (17,8 %), третьими – бывшие казаки из других мест – 526 человек (11,6 %). Еще 26 человек были указаны как бывшие «бобыли» (безземельные крестьяне, свободные от тягла). По 6-7 % составляли бывшие посадские люди, стрельцы и монастырские крестьяне (309, 279 и 269). Были рождены на Яике и не знали своих корней 24 человека (0,5 %). Интересно, что 7 человек ранее были дворянами. Иногда указывалась бывшая профессия (не военная), например: кузнецов – 2, ямщиков – 6.

Казаки также были обязаны указать регион, откуда вышли они или их предки. Этому Карпов посвятил таблицу в 15 страниц – настолько большим оказалось разнообразие уездов и городов России и даже Речи Посполитой⁴². Там Москва и Владимир, Тверь и Ярославль, Великий Устюг и Хлынов, Алатырь и Курмыш, Нижний Новгород и Балахна, Белгород и Воронеж, Старый Оскол и Стародуб, Симбирск и Самара, Саратов и Сызрань, Касимов и Муром, Казань и Свияжск, Чебоксары и Уфа, Цивильск и Пенза, Варшава и Вильно, Киев и Полтава, Могилев и Полоцк, Астрахань и область Дона. Даже не так давно основанный Петербург.

У нерусских казаков указывалось не социальное происхождение, а этническая принадлежность, отличавшаяся большой пестротой. В числе лидеров были поляки (76), башкиры (71) и татары (70). Скорее всего, под поляками имелись в виду выходцы из Речи Посполитой, независимо от этнической или религиозной принадлежности. Если к 70-ти татарам добавить 57 «новокрещеных татар», то они, вместе взятые, окажутся на первом месте. Еще 58 человек записаны как бывшие «ясашные». Но ясак платили представители как тюркских, так и финно-угорских народов, поэтому точно определить этническую принадлежность этой категории не представляется возможным. Также ясаком облагались народы Сибири, но среди миграционных потоков, направленных на Яик, сибирского направления не было. Сложно сказать, кого следует понимать под «черкасами»; так могли называть и черкесов Кавказа,

и «малороссийских» казаков. Таковых было 23 человека. В отношении калмыков, коих оказалось 34 человека, вопросов не возникает. Все остальные «диаспоры» были слишком малочисленны. Волохов (румын и молдаван) было 17. Мордвы – 15. Шведов (как и турок) – по 4. Немцев – 2. Ногайцев, черемис (марийцев) и чухонцев (прочих финно-угров) – по одному человеку. Странно, что ногаец указан отдельно, тогда как ногайцев обычно относили к категории татар. «Турками», скорее всего, были указаны крымские татары.

Таким образом, к концу правления Петра I:

- примерно 2/3 всего состава Яицкого войска (64,7 %) составляли бывшие русские крестьяне (дворцовые, помещичьи, монастырские, бобыли);

- имевшие прежде невоенные занятия (посадские люди, кузнецы и прочие) в войске составляли 7,8 %;

- занимавшихся до прихода на Яик военным делом (стрельцы, казаки из других регионов) или же родившихся в семьях казаков было 18,3 %;

- представителей нерусских народов было свыше четырехсот человек, или чуть более 9 %, примерно 2/3 из которых (около 6 %) составляли представители тюркских народов;

- определить религиозную принадлежность разных категорий казаков не представляется возможным. Но более поздние переписи показали, что основную массу казаков составляли старообрядцы разных направлений. Но ни их количество, ни их распределение по толкам или согласиям установить невозможно. То же касается и представителей нерусских народов. Наверняка были и православные, и мусульмане, и буддисты. Наверняка имелись и католики, и протестанты, а возможно и сектанты.

Среди жителей края имелись и те, кто не входили в казачью общину. Таковых было 350 человек, включая 26 детей. Одни из них «жили своими дворами», другие же «жили у казаков в работе». Первых было примерно вчетверо меньше, нежели вторых (74 и 279 человек). Видимо, первые жили семьями, вели свое хозяйство и планировали проживать на Яике постоянно. Вторые, будучи наемными работниками или батраками, не планировали задерживаться в войске навсегда, а потому проживали там без семей. Обо всем этом наглядно свидетельствуют цифры: среди первых было 57 взрослых и 17 детей, среди вторых – 267 взрослых и только 12 детей. Среди первых крестьянами были 54 человека (73 %), представителями нерусских народов – 8 человек (10,8 %). Двое ранее были стрельцами. Среди вторых крестьян было 175 человек (62,7 %), нерусских – 68 (24,4 %). К этой же категории относились 8 бывших стрельцов, 3 «пришедших казака» и даже 1 дворянин⁴³.

Перепись показала, что нерусские были не только представителями местного или коренного российского населения. Среди «работников» были и пленные шведы, которые стали батраками казаков отнюдь не по доброй воле. Вот лишь некоторые примеры: «Живу у казака Василия Арапова, швед города Каяни, завоеван яицкими казаками и крещен в 1710 году» (показание работавшего у Василия Арапова «шведа» Степана Васильева). «Шведы-чухонцы, завоеваны яицкими казаками Алексеем Кулявным с товарищи и привезены на Яик» («шведы» Иван и Егор Алексеевы). Очевидно, пленных шведов обычно переименовывали, давая им новые имена, и давая фамилии по именам хозяев – Алексеевы (работники казака Алексея), Васильев (работник казака Василия) и т. д. Некоторые были куплены, а не завоеваны казаками. Так, один из них, «чухонец швед, завоеван под Новым Городом, продан Московской таможни сторожу Михайлу, а он продал его яицкому казаку Степану Чернову в 1717 году». Упоминание «шведов-чухонцев» является свидетельством, что речь шла не о шведах, а о представителях финно-угорских народов, являвшимися шведскими подданными. Однако, некоторые из них предпочли все

же назваться финнами, например, «Василий Корелин, финлянец городка Корелы, чухонец, завоеван под тем городом яицкими казаками, года не помнит». Некоторые работники так привыкли к казачьему быту, что называли годы по новому летоисчислению, но на старый лад: «Швед местечка Улы, завоеван и крещен яицкими казаками в семь сот втором на десять году»⁴⁴. И это еще не все шведы. Видимо, некоторые из них стали казаками, о чем свидетельствуют указанные выше итоги переписи⁴⁵.

Среди интересных документов эпохи Петра, опубликованных Карповым, можно отметить челобитные бывших пленников, находившихся в плену у шведов и хивинцев. Челобитчики просят выдать им жалование за время нахождения в плену, рассказывая подробности попадания в плен, нахождения в плену и освобождения.

В челобитной Никиты Болдырева значится, что с 1703 по 1711 г. он участвовал в Северной войне («в прошлом, 1703, году, по указу Вашего Императорского Величества, посланы мы с Яику от Войска в армию пять сот человек, и служили при армии в команде господина Бахметева, и в 1711 году командированы в партию с мазором Жеребцовым»). Затем он был «взят в полон и был в полону в Стектоне по 719 год, а в 719 году ис полону свободился на размену». Далее Болдырев указал, что «за полное терпенье Вашего Императорского Величества жалованья не получал». По этой причине он даже не просит, а прямо-таки требует положенное ему жалованье («и чтоб указом Вашего Императорского Величества повелено было мне против моей братьи Вашего Императорского Величества жалованье за полное терпение выдать»). Упомянув «братью», он имел в виду своих земляков, есаула Григория Иванова и прапорщика Михайлу Степанова. После освобождения из хивинского плена им было выплачено жалование («наша братья казаки были в полону в Хиве, и оным за полное терпение Вашего Императорского Величества жалованье повелено выдать»)⁴⁶.

Не всем бывшим в хивинском плену государево жалование поступило вовремя, отчего с челобитной к Петру I обращался Андрей Никитич Бородин (сын атамана Никиты Бородина, о котором речь шла выше, и который также попал в плен). Из челобитной Андрея Бородина явствует, что он «по Его Царского Величества указу, и по наряду князя Александра Черкасского был при яицких казаках прапорщиком». Годовое жалованье в то время составляло «прапорщикам по 15 рублей, рядовым по 10 рублей». Кроме того, ему, как участнику похода, было «против прапорщичьего оклада выдано 15 рублей» дополнительно. Уже в Хиве было «откомандировано из яицких казаков 100 человек, и посланы в команде полковника Михаила Крейтова наперед к хивинскому хану, и от того хивинского хана взяты они в полон». При той команде находился и Бородин, который был «в том полону года с три», после чего был «прислан он от него, хивинского хана, в подарок калмыцкому хану Аюке, от которого отправлен с письмом на Яик в прежнюю казацкую службу». Интересно, что о возвращении на Яик Андрея Бородина (как и его отца) позже ходили разные легенды – сбежал из плена, выкуплен земляками и т.п. Но нет ничего правдивее, чем рассказ о собственных злоключениях, сообщенный Военной коллегии. В своей челобитной Андрей Бородин «бьет челом, чтоб Царское Величество пожаловал его, указал на оные 3 года, в которые он был в полону»⁴⁷. Можно добавить, что в 1741 г. он стал войсковым атаманом, но через семь лет был убит (смертельно ранен) казаком Андреем Скопчиком в ходе разгоревшихся в войске волнений⁴⁸.

Другой их земляк, Иван Железнов, также побывал в хивинском плену, но не у хана, а у частного лица. Он также был в команде Керейтова, вместе с которой был захвачен в плен. Затем Иван вместе с другим казаком, имени которого он не указал, после того как их попытались «привести в веру басурманскую», бежали, похитив

у хана коней, но в итоге были захвачены людьми «трухменского владельца» Балкты Бакчи, продержавшего их в оковах примерно год. К счастью, у того остановился проездом калмыцкий посол Махулай-батыр, который отобрал казаков у Балкты и доставил их своему хану, и «Аюка-хан, за Твое Царское Величество, нас наделил: дал по шубе, по лошади, по сапогам, по рубашке, отпустил нас за Твое Государево здравие с честью». Челобитная завершается предсказуемо: «Прикажи, Государь наш: по прежнему жить на Яике, и Своею милостию нас пожаловать, понеже ныне мы не имеем себе коней и ружей, и жалованья за выше помянутые годы, и за наше полное терпенье Свое Государево жалованье нам выдать, а мы, рабы Твои, за Твое Царское многолетнее здравие рады служить в казачьей службе до последней капли крови своей»⁴⁹.

Эти челобитные свидетельствуют, что русским военным, попавшим в плен, также полагалось жалование, как и тем, кто был в строю. Такая забота о своих пленных очень показательна, если сравнивать ее с отношением наших властей к своим пленным в иные времена.

Не только Андрею Бородину или Ивану Железнову, но и некоторым другим яицким казакам посчастливилось вернуться из хивинского плена. Однако не все, оставшиеся в живых после того похода, побывали в плену; были и те, кто смог спастись и вернуться на родину. По возвращению, они давали показания, позволившие восстановить картину того злополучного похода. Показания Федора Емельянова и Михайлы Белотелкина хранились в Архиве Главного штаба и были опубликованы Карповым. Еще ранее эти материалы появились в книге А. Н. Попова⁵⁰.

Казаков допросил порознь (дабы меж ними не было сговора) казанский губернатор Петр Салтыков. Емельянов подробно описал весь ход действий отряда Черкасского, включая переговоры с ханом, подарки которому вез и он. Описал он и вероломное нападение хивинцев на едва проснувшихся казаков. Став добычей одного из них, он смог бежать, прячась в камышах и воде. Собрав брошенные сухари, он отправился в обратный путь, встретив на следующий день раненного земляка Михайлу, с которым продолжили путь, оседлав откуда-то прибудившихся лошадей. Дней через десять их встретили калмыки, доставившие их своему «владельцу» Дарже, который отправил их в Гурьев (еще не принадлежавший казакам), откуда они были доставлены в Астрахань, а затем в Казань. Показания Белотелкина аналогичны, Михайлу повезло меньше, чем его спутнику; хивинцы пытались его убить, и думали, что убили, но он чудом выжил («рубили саблями по шее и по плечам, и били в голову чеканом»). После этого он «упал на землю и лежал замертво с вечера до полуночи», после чего «хивинцы, его тутю покинули»⁵¹.

С архивными документами об Уральском (Яицком) казачьем войске, наряду с Карповым, работал его земляк Вячеслав Бородин, написавший, но не успевший издать книгу «Краткий исторический очерк Уральского войска». Собственно, краткий очерк был бы не такой уж краткий; используя перепись Захарова, Бородин составил отдельные приложения. В том числе: «Оригинальные фамилии» (Живодристов, Задницын и т. п.)⁵². Роспись по времени прихода на Яик (1599-1722 гг.)⁵³. Список казаков, прибывших с Дона⁵⁴. Города и уезды, из которых казаки вышли⁵⁵. Численность личного состава казачьих сотен: только в двух было по 100 казаков, в остальных – от 81 до 98⁵⁶. Время нахождения казаков на службе (от 1 до 62 (!) лет): больше всего было тех, кто состоял на службе от 15 до 22 лет (от 103 до 334 человек в каждой категории)⁵⁷.

Неопубликованные материалы Бородина Карпов разместил в своей книге, при этом указав, кто является их автором.

Таким образом, несмотря на гибель архива Уральского казачьего войска, содержание многих его документов нам известно, благодаря работе с ними различных авторов, среди которых были как приезжие исследователи, так и местные краеведы. При этом особо следует выделить А. Б. Карпова, казачьего офицера, посвятившего истории родного края обширный труд. Известно, что в период царствования Петра, яицкие казаки участвовали в азовских походах, в Северной войне, в экспедиции Бековича-Черкасского. Однако, документы, доступные нам, содержат лишь фрагментарную информацию и отдельные детали, касающиеся участия яицких казаков в этих событиях. Например, о том, что у некоторых яицких казаков «в работниках» находились шведы, ранее пленённые ими. Или о том, что среди казаков, чудом выживших после трагически завершившейся Хивинской экспедиции 1717 г., были как те, что смогли спастись сами, так и те, что были выкуплены или освобождены при посредничестве калмыков. Крупным событием в истории Яицкого (Уральского) казачьего войска стала «генерал-аудиторская экспедиция» полковника Захарова, в ходе которой была проведена первая в истории войска перепись, содержащая довольно подробную информацию о каждом казаке (биографические данные, социальное происхождение, этническая принадлежность и т.п.). Перепись косвенно свидетельствует, что формирование казачьей общины на Яике, первые сведения о которой относятся к XVI в., происходило не за счет естественного, а за счет механического прироста казачьего населения, как минимум, до начала XVIII в. Это ответ сторонникам псевдонаучной «автохтонной» теории, согласно которой, казаки изначально были самостоятельным этносом с собственной древней историей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Ивлев Н. П., Щербанов Н. М.* Судьба Уральского войскового архива // На Яике – городок, на Урале – город: историко-краеведческие материалы. – Уральск, 1988. – С. 79-87.
2. *Витевский В. Н.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Ч. I-V. – Казань, 1889-1897; *Дубровин Н.* Пугачев и его сообщники. Ч. I-III. – СПб., 1884; *Рябинин А. Д.* Уральское казачье войско. Т. I-II. – СПб., 1866.
3. *Карпов А. Б.* Уральцы. Исторический очерк. Т. I. – Уральск, 1911. – 1013 с.
4. *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Изд. 2-е. – Оренбург: Тип. Бреслина, 1887. – 408 с.
5. *Рычков П. И.* Указ. соч. – С. 292.
6. Российский государственный военно-исторический архив, ф. 13, оп. 1, д. 21.
7. *Рычков П. И.* Указ. соч. – С. 279.
8. Там же. – С. 282.
9. Там же. – С. 290.
10. *Левшин А. И.* Исторический и статистический обзор Уральского казачьего войска. Т. 1-2. – СПб., 1823.
11. *Пушкин А. С.* История пугачевского бунта. – СПб., 1834.
12. *Витевский В. Н.* Происхождение Уральского войска // Древняя и Новая Россия. – 1879. – № 7. – С. 206-208.
13. *Рычков П. И.* Указ. соч. – С. 250.
14. Там же. – С. 277.
15. Там же. – С. 277-278.
16. Там же. – С. 290.
17. Там же. – С. 278.
18. Там же. – С. 290.
19. Там же. – С. 292.
20. *Карпов А. Б.* Указ. соч. – С. 892.
21. *Рябинин А. Д.* Уральское казачье войско. Ч. I. – С. 328.
22. *Рычков П. И.* Указ. соч. – С. 293-294.
23. Там же. – С. 294.

24. Там же. – С. 293.
25. Там же. – С. 294.
26. Там же.
27. Там же. – С. 889.
28. Там же. – С. 889-890.
29. Там же. – С. 890.
30. Там же. – С. 891.
31. Российский государственный архив древних актов, ф. 6, оп. 1, д. 505/1, л. 40.
32. Там же, л. 53.
33. *Трегубов А. Г.* От Гутни до Толстова: атаманы Яицкого казачьего войска и наказные атаманы Уральского казачьего войска. – Уральск: Тип. ТОО «Полиграфсервис», 2006. – С. 37.
34. Там же. – С. 38.
35. Там же. – С. 33.
36. Там же. – С. 34-35.
37. Там же. – С. 35.
38. Там же. – С. 35-36.
39. *Карпов А. Б.* Указ. соч. – С. 895.
40. Там же. – С. 893-894.
41. Там же. – С. 30-45.
42. Там же. – С. 894.
43. Там же. – С. 894-895.
44. Там же. – С. 74.
45. Там же. – С. 892.
46. Там же. – С. 75.
47. Там же. – С. 81.
48. *Трегубов А. Г.* Указ. соч. – С. 44.
49. *Карпов А. Б.* Указ. соч. – С. 80.
50. *Попов А. Н.* Сношение России с Хивой и Бухарой при Петре Великом. – СПб., 1858. – С. 98-101.
51. *Карпов А. Б.* Указ. соч. – С. 75-78.
52. Там же. – С. 21.
53. Там же. – С. 24-26.
54. Там же. – С. 27-29.
55. Там же. – С. 30-45.
56. Там же. – С. 47.
57. Там же. – С. 46-47.

Список литературы

- Витевский В. Н.* Происхождение Уральского войска // Древняя и новая Россия. – 1879. – № 7. – С. 206-216.
- Витевский В. Н.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. – Вып. 1-5. – Казань: Типо-литография В. М. Ключникова, 1889-1897. – 962 с.
- Дубровин Н.* Пугачев и его сообщники: эпизод из истории царствования Екатерины II. – СПб.: Тип И. Н. Скороходова, 1884. – Т. 1. – 339 с.; Т. 2. – 412 с.; Т. 3. – 404 с.
- Ивлев Н. П., Щербанов Н. М.* Судьба Уральского войскового архива // На Яике – городок, на Урале – город: историко-краеведческие материалы. – Уральск, 1988. – С. 79-87.
- Карпов А. Б.* Уральцы. Исторический очерк. Т. I. – Уральск, 1911. – 1013 с.
- Левшин А. И.* Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. – СПб.: Тип. Главного штаба, 1823. – 84 с.
- Попов А. Н.* Сношение России с Хивой и Бухарой при Петре Великом. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1853. – 188 с.
- Пушкин А. С.* История пугачевского бунта. – СПб.: Тип. Собственной ЕИВ канцелярии, 1834. – Т. 1. – 110 с.; Т. 2. – 336 с.
- Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Изд. 2-е. – Оренбург: Тип. Бреслина, 1887. – 408 с.

Рябинин А. Д. Уральское казачье войско. – СПб.: Тип. Э. Веймара, 1866. – Ч. 1. – 420 с.; Ч. 2 – 108 с.

Трегубов А. Г. От Гугни до Толстова: атаманы Яицкого казачьего войска и наказные атаманы Уральского казачьего войска. – Уральск: Тип. ТОО «Полиграфсервис», 2006. – 104 с.

References

Vitevsky V. N. *Proishozhdenie Uralskogo voyska* [Origin of the Ural army]. IN: *Drevnaya i novaya Rossiya* [Old and new Russia], 1879, no. 7, pp. 206-216.

Vitevsky V. N. *Neplyuyev i Orenburgskiy kray v prezhnem ego sostave do 1758 goda* [Neplyuev and Orenburg region in its former composition until 1758. Part 1-5]. Kazan, 1889-1897, 962 p.

Dubrov N. *Pugachov i ego soobshchniki: epizod iz istorii tsarstvovaniya Yekatheriny II* [Pugachev and his accomplices: an episode from the history of the reign of Catherine II]. St. Petersburg, 1884, Vol. 1, 339 p.; Vol. 2, 412 p.; Vol. 3, 404 p.

Ivlev N. P., Shcherbanov N. M. *Sudba Uralskogo voyskovogo arhiva* [The fate of the Ural Military Archive]. IN: *Na Yaikie gorodok, na Urale gorod* [A town on the Yaik, a city in the Urals]. Uralsk, 1988, pp. 79-87.

Karpov A. B. *Uraltsy. Istoricheskiy ocherk T. 1* [Uralians. Historical essay. Vol. I]. Uralsk, 1911, 1013 p.

Leovshin A. I. *Istoricheskoe i statisticheskoe obozrenie uralskih kazakov* [Historical and statistical review of the Ural Cossacks]. St. Petersburg, 1823, 84 p.

Popov A. N. *Snoshenie Rossii s Hivoy i Buharoy pri Petre Velikom* [Russia's relations with Khiva and Bukhara under Peter the Great]. St. Petersburg, 1853, 188 p.

Pushkin A. S. *Istoriya pugachevskogo bunta* [The history of the Pugachev rebellion]. St. Petersburg, 1834, Vol. 1, 110 p.; Vol. 2, 336 p.

Rychkov P. I. *Topographiya Orenburgskoy gubernii* [Topography of Orenburg province. Ed. 2]. Orenburg, 1887, 408 p.

Ryabinin A. D. *Uralskoe kazachye voysko* [The Ural Cossack army]. St. Petersburg, 1866, Part 1, 420 p.; Part 2, 108 p.

Tregubov A. G. *От Гугни до Толстова: атаманы Яицкого казачьего войска и наказные атаманы Уральского казачьего войска* [From Gugnina to Tolstov: atamans of the Yaik Cossack army and atamans of the Ural Cossack army]. Uralsk, 2006, 104 p.

Сведения об авторе

Дубовиков Александр Маратович, доктор исторических наук, профессор кафедры социальных технологий и гуманитарных наук Поволжского государственного университета сервиса, e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

About the author

Alexander M. Dubovikov, Doctor of Historical Sciences, Professor at Department of Social Technologies and Humanitarian Sciences, Volga Region State University of Service, e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

В редакцию статья поступила 30.05.2022, опубликована:

Дубовиков А. М. Яицкое казачество в эпоху Петра I в трудах дореволюционных авторов П. И. Рычкова и А. Б. Карпова // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2022. – № 3. – С. 30-43.

Submitted on 30.05.2022, published:

Dubovikov A. M. *Yaitskoe kazachestvo v epohu Petra I v trudah dorevolutsionnykh avtorov P. I. Rychkova i A. B. Karpova* [Yaik Cossacks during the reign of Peter the Great in the works of pre-revolutionary authors P. I. Rychkov and A. B. Karpov]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2022, no. 3, pp. 30-43.